

А.А.Любищев с З.С. Никоро, известным специалистом в области генетики и селекции. Конец 1960-х годов

Уроки Любищева

22 года прожил в Ульяновске великий учёный, педагог Александр Александрович Любищев (1890–1972), человек поистине космических масштабов: математик, энтомолог, генетик, историк, политолог, философ, литератор. Он приехал в Ульяновск в 1950 году – так начался самый длительный и благополучный период жизни. А.А. Любищев был избран на должность заведующего кафедрой зоологии педагогического института. Город понравился ему давно, и теперь учёный счастлив был сюда вернуться: два института, театр, замечательная библиотека, художественный музей и прозрачная красота Венца над Волгой.

В Ульяновске Александр Александрович прожил до конца жизни. Он, наконец, обрёл полную независимость в научной работе. Эти годы стали самыми плодотворными в его деятельности. Здесь он был окружён дружеским вниманием коллег и учеников. Среди них – видные учёные: Н.Н. Благовещенская, Р.В. Наумов, В.С. Шустов и другие. Его ученики и последователи с 1986 года проводят в Ульяновске научные чтения памяти А.А. Любищева. Много лет это дело возглавлял учёный-биолог, философ А.Н. Марасов. В апреле 2013 года на базе Ульяновского государственного университета пройдут уже 27-е Любищевские чтения.

О чём бы ни писал А.А. Любищев, всё остаётся актуальным и важным для нас сегодня. «Способствуя победе духа над материей, – писал Александр Александрович, – мы одновременно осуществляем лозунг: жить согласно истинному смыслу природы».

Даниил Гранин писал о его «неубывающей свежести мысли»: «Она покоряет не только смелостью, сколько внутренней свободой, нравственным достоинством и, прежде всего, совершенно своеобразной точкой зрения». Предлагаем вниманию читателей отрывки из книги **Даниила Гранина** об Александре Любищеве **«Эта странная жизнь»**.

Всего (Любищева. – **Ред.**) продолжительной жизни не было решения, она была неутихающим спором. Внутренний спор делал его всё более чутким и непримиримым ко всякому злу жизни. Неумолчный этот спор питал его нравственность. В нём росло как бы ощущение всемирности, когда человек сознаёт, что в нём самом и для него – творится история. И что судьба страны есть его собственная судьба. Это чувство гражданина страны. Не случайно он так чтил Тимирязева за то, что тот совмещал преданность чистой науке и сознание общественного долга учёного перед народом. Ощущение всемирности – ощущение принадлежности к роду человеческому.

<...> Он почти не жаловался на отсутствие времени. Я давно заметил, что людям, умеющим работать, времени хватает. Нет, пожалуй, лучше сказать иначе: времени у них больше, чем у других… Похоже, что люди, подобные Любищеву, устанавливают тайные, неведомые никому отношения со Временем. Они бесстрашно заглядывают в лицо этому ненасытному божеству.

Меня поражала у Любищева смелость, с какой он обращался с плотью Времени. Он умел её осязать. Он научился обращаться с пульсирующим, ускользающим «теперь». Он не боялся измерять тающий остаток жизни в днях и часах. Осторожно он растягивал Время, сжимал его, стараясь не уронить, не потерять ни крошки. Он обращался с ним почтительно, как с хлебом насущным; ему и в голову не могло прийти – «убивать время». Любое время было для него благом. Оно было временем творения, временем познания, временем наслаждения жизнью. Он испытывал благоговение перед Временем. Оказалось, что жизнь вовсе не так коротка, как это считается. Дело тут не в возрасте и не в насыщенности трудом. Урок Любищева состоит в том, что можно жить каждой минутой часа и каждым часом дня, с постоянным напором отдачи. Жизнь – долгая-предолгая штука. В ней можно наработаться всласть

и успеть многое прочитать, изучить языки, путешествовать, наслушаться музыки, воспитать детей, жить в деревне и жить в городе, вырастить сад, выучить молодых... Жизнь спешит, если мы сами медлим.

<...> Обращение со временем было для него вопросом этики. На что имеет человек право потратить время своей жизни, а на что не имеет. Вот эти нравственные запреты, нравственную границу времяупотребления Любищев для себя выработал. <...> Любищев не только сам жил нравственно, но чувствовалось, что у него существуют какие-то точные критерии этой нравственности, выработанные им и связанные как-то с его Системой жизни.

<...> Вникая в Систему Любищева, автор увидел Время словно через лупу. Минута приблизилась: она текла не монотонным безразличным ко всему потоком – она отзывалась на внимание, растягивалась, выявлялись сгустки, каверны, структура что-то означала, как будто перед глазами автора проявилось течение мысли, время стало осмысленным.

Систематика, которой он занимался, способствовала его критическому отношению к дарвинизму, особенно к теории естественного отбора как ведущего фактора эволюции. Он не боялся обвинения в витализме, идеализме, но это требовало изучения философии… Среди биологов А.А. Любищев известен как решительный противник эволюционных взглядов, совмещающих учение о ведущей роли естественного отбора эволюции с достижениями популяционной генетики. Поскольку с эволюционным учением прямо или косвенно связаны чуть ли не все другие общие проблемы биологии, то неудивительно, что и в подходе к этим проблемам А.А. Любищев очень часто не разделял господствующих взглядов.

<...> В 1937 году произошло памятное заседание Учёного совета ВИЗРа (Всесоюзный институт защиты растений). Пять часов длилось обсуждение работ Любищева. К сожалению, как это часто бывает, обсуждали не столько проблему, сколько самого Любищева. Его обвиняли в том, что он систематически чуть ли не умышленно снижает опасность вредителей с целью демобилизации борьбы с ними... В те годы подобные формулировки звучали угрожающе. Слово «вредитель» играло вторым смыслом. Адвокат вредителей, пособник... Совет признал научные взгляды Любищева ошибочными и ходатайствовал перед ВАКом лишить его степени доктора наук. Постановление было принято единогласно, но и это не смутило Любищева: он полагал, что в науке голосование ничего не решает… Нельзя сказать, что он не учитывал реальности. После такого решения Учёного совета он вполне мог, как он сказал, «перейти на казённые харчи». И всё же иначе поступить он не мог... Тупо и упрямо он стоял на своём. Вопреки своему хвалёному рационализму. Это всегда удивительно – ощутить вдруг предел, неподвластный логике, разуму, непонятный, необъяснимый духовный упор, воздвигнутый совестью или ещё чем-то: «На этом я стою и не могу иначе».

<...> Пока дело тянулось в ВАКе, прихотливая судьба перетасовала все обстоятельства: директора института арестовали, и среди прочих обвинений было – разгон кадров. Тем самым Любищев политически был как бы реабилитирован, и ВАК (ещё и по ходатайству академика Ивана Ивановича Шмальгаузена) оставил Любищеву степень доктора наук.

Похожая история повторилась с ним спустя десять лет, после известной сессии ВАСХНИЛ, в 1948 году. Выручала его, как ни странно, откровенность, с какой он излагал свои взгляды.

<...> Возьмём первый попавшийся год, чтобы представить масштабы его переписки: «1969 год. Получено 410 писем (из них 98 из-за границы). Написано 283 письма. Отправлены 69 бандеролей».

Адресаты его писем – институты, научные общества, академики, журналисты, инженеры, агрономы...

Если взять только научную переписку Любищева, эти большие переплетённые тома, то они сами по себе энциклопедия современного естествознания, философии, истории, права, науковедения, этики и ещё невесть чего. Я никогда не мог понять, каким образом ухитрялись в прежние времена люди поддерживать такую обильную переписку. Тем более умирающее это искусство изумляло у Любищева, человека нашего века.

<...> Читать его письма – удовольствие особое. В них проявляется широта его таланта, позволяющая ему видеть мир целостно. Вещи далёкие, экзотические, какие-то частности, осколки всегда становятся у него частью целого, соединяются в единую картину. Он умел находить место любой вещи и учил восстанавливать эту утраченную целостность восприятия.

<...> Письма имели адрес, их ждали, они были нужны не вообще людям, как нужны статьи и книги, – а нужны человеку имярек, и это было Любищеву дороже времени… В нём не было всепоглощающей, нетерпимой научной одержимости. Наука, научные занятия не могут и не должны быть высшей целью. Должно быть нечто дороже и Науки, и Времени...

<...> Письма, рукописи перепечатывались, копии подшивались – не из тщеславия и не в расчёте на потомков, нисколько. Большей частью архива Любищев сам активно пользовался, в том числе и копиями собственных писем.

<...> Архив как бы фиксировал, регистрировал со всех сторон и семейную, и деловую жизнь Любищева. Сохранять все бумажки, все работы, переписку, дневники, которые велись с 1916 года (!), – такого мне не встречалось. Биографу нечего было бы и мечтать о большем. Жизнь Любищева можно было бы воссоздать во всех её извивах, год за годом, более того – день за днём, буквально по часам.

Подвига не было, но было больше, чем подвиг, – была хорошо прожитая жизнь. Странность её, загадка, тайна в том, что всю её необычайность он считал для себя естественной. Может, это и была естественная жизнь разума? Может, самое трудное – достигнуть этой естественности, когда живёшь каждой секундой и каждая секунда имеет смысл.

<...> Пользуясь библейской мифологией, его можно сравнить с Иоанном Предтечей: он один из тех, кто готовил новое понимание биологии. Он сеял – зная, что не увидит всходов. В нём жила уверенность, что то, что он делает, – пригодится. Он был нужен тем, кто останется жить после него. Это было утешение, привычное скорее художнику, чем учёному. Но и современники нуждались в нём, каждый по-своему.